

- 5 МАР 1958

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
г. Москва

Дневник искусств

НОВЫЙ СУСАНИН

**А. Ведерников в спектакле
«Иван Сусанин»**

Есть в оперном репертуаре партии, исполнив которые молодой артист может считать себя утвердившимся на избранном пути. Для сопрано такая партия — Марфа в «Царской невесте» Н. Римского-Корсакова, для меццо-сопрано — Марфа в «Хованщине» М. Мусоргского.

Мастерство басов как нельзя более точно проверяется на партиях Руслана, Мельника, Сусанина. Здесь уж все скажется: и диапазон голоса, и его сила, красота, и владение разнообразнейшими вокальными красками, и непременно сценическое дарование исполнителя. Действительно, разве «спрячься» в Сусанине за красивой нотой, разве примет зритель фальшь в исполнении?

А уж если в спектакле Большого театра эту роль поручают молодому артисту, трудно сомневаться в даровании такого счастливица.

На сей раз им оказался Александр Ведерников. Для тех, кто причастен к музыкальному искусству или интересуется им, имя это не ново: многие, наверное, помнят Ведерникова по спектаклям оперной студии Московской консерватории, в которых он пел Дон-Базилио («Севильский цирюльник») и Собакина («Царская невеста»).

Обычно в разговоре о певцах прежде всего подчеркивают их блестящие вокальные данные, сочный голос, богатый красками. У А. Ведерникова голос от природы не очень многокрасочен. Но сколько у него подлинной музыкальности, тонкого понимания образа, стиля исполняемого произведения! Конечно, именно эти качества помогли его успехам на шумановском конкурсе в Берлине, где А. Ведерников получил первую премию.

Странное ощущение: слушаешь этого певца, и кажется, что перед тобой опытный вокалист, умудренный жизнью человек, много переживший, переживавший.

В спектакле «Иван Сусанин» эта умудренность и опытность сказались не сразу. Поначалу спектакль не предвещал ярких впечатлений: артист был скован, голос его звучал несильно — оркестр, ансамбли затушевывали его.

Но уже в третьем действии, в сцене прощания с Антонидой, молодой певец вдруг обрел внутреннюю силу: сразу появились выразительная, искренняя интонация, простота. И с еще большим мастерством и «опытом» проведена была сцена в лесу, та сцена, про которую Глинка писал: «Волосы у самого меня становились дыбом и мороз подирал по коже».

Голос А. Ведерникова зазвучал сильно и свободно, и его Сусанин как-то сразу стал мощнее, значительнее. Здесь, в этой сцене, певец вдруг нашел себя, нашел своего Сусанина.

И, думается, в этом самая большая творческая удача А. Ведерникова, ибо она заставляет твердо поверить в дальнейшее развитие и совершенствование образа.

М. ИГНАТЬЕВА.

На снимке: Александр ВЕДЕРНИКОВ.

